

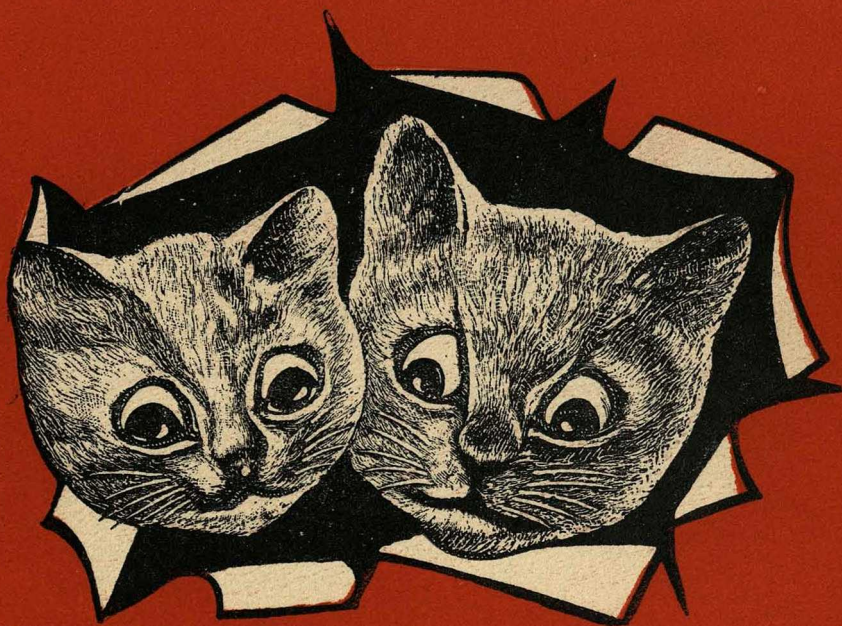
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія пятый.

ФЕВРАЛЬ.

№ 7.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МЕЧТЫ.
КОРОБКА КОНФЕКТЬ.
ФЕВРАЛЬ.
НА ВСТРѢЧУ (повѣсть).
ЧИЖИКЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Какъ ѣздить на Сѣверѣ и на Востокѣ
(для раскрашиванія и склеиванія).
«Въ уютномъ уголкѣ» (листъ 4-й).

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ). При каж. нум. приложенія.
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ **ТРИ руб. 80 к.**
Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

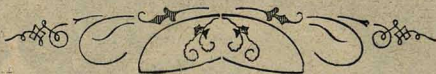

— Ты что за птица?!

❁ М Е Ч Т Ы . ❁

Пройдутъ еще двѣ - три недѣли,
 А тамъ ужъ глядь—и прилетѣли
 Къ намъ съ юга первые скворцы!
 Салатъ, редиска, огурцы
 Взойдутъ подъ рамами теплицы
 И въ супѣ свѣженькій шпинатъ
 Всѣ съ удовольствіемъ съѣдятъ.
 Засуетятся всюду птицы
 И гнѣзда теплыя завьютъ, —
 Для всѣхъ, для всѣхъ настанетъ
 трудъ!
 Скворцы слетятъ въ свои скво-
 рещни,

Хозяйство птичье заведутъ,
 А тамъ ужъ вишни и черешни
 Повсюду пышно зацвѣтутъ.
 Потомъ погонять стадо въ поле;
 Оно почувствовавъ вдругъ волю,
 Осипшимъ ревомъ замычитъ...
 Потомъ кукушка закричитъ...
 И такъ на сердцѣ станетъ ясно,
 Такъ будетъ все кругомъ пре-
 красно,
 Что такъ стояль-бы и весь день
 Все только нюхаль-бы сирень!
 Кузнечикъ.

КОРОБКА КОНФЕКТЪ.

Похоронивъ своего мужа, На-
 талья должна была вмѣстѣ со своей
 дѣвочкой Полей остаться жить у
 своего свекора Максима. И све-
 коръ, и свекровь, у которыхъ была
 большая семья у самихъ, скоро
 стали попрекать ее кускомъ хлѣба.
 Жизнь у родныхъ мужа для На-
 тальи стала невыносимой и, оста-
 вивъ Полю одну, она отправилась
 въ городъ на фабрику, гдѣ рѣшила
 заняться хоть какимъ-нибудь тру-
 домъ, чтобы заработать себѣ и до-
 чери на пропитаніе. Но и тутъ ей
 не повезло: она чѣмъ-то заболѣла,
 ее отправили въ больницу и никто
 изъ ея родственниковъ не зналъ,

гдѣ она находилась. Подъ конецъ
 жизнь стала несносной и для Поли.
 Кончилось дѣло тѣмъ, что Максимъ
 запрягъ лошадь, самъ отвезъ дѣ-
 вочку въ городъ, купилъ ей лотокъ
 и три пачки спичекъ и оставилъ
 ее одну ихъ продавать.

— Продашь эти, сказалъ онъ
 ей на прощанье, — купи еще три
 пачки, — вотъ тебѣ и коммерція!
 Такъ все покупай и продавай, по-
 купай и продавай, анъ сыта и бу-
 дешь!

И, стегнувъ по лошади, онъ
 уѣхалъ къ себѣ въ деревню.

Поля осталась во всемъ городѣ
 одна. Она стала поступать такъ,

какъ научилъ ее дѣдушка, но дѣло у нея не пошло и ей, бѣдненькой, часто приходилось голодать и проводить ночи тамъ, куда заводила ее судьба; опредѣленнаго мѣстожителства у нея не было и она ночевала у различныхъ торговыхъ или работницъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться на улицахъ и на базарахъ и которыя сжаливались надъ нею и давали ей пріютъ у себя. Кромѣ того, стояла суровая зима, Поля очень зябла, никакъ не могла согрѣться и все время думала о матери и все старалась узнать ее въ проходившихъ мимо женщинахъ. Подъ конецъ она не выдержала и голодная, и холодная, лишившаяся слезъ, стала слоняться, какъ тѣнь, отъ угла къ углу, и уже не старалась навязать прохожимъ свой дешевый товаръ, а все ожидала, что вотъ вотъ съ неба слетитъ къ ней ангелъ и возьметъ ее съ собой на небо, гдѣ она встрѣтитъ свою мать.

И вотъ мы застаемъ ее одну, на улицѣ, прижавшуюся къ стѣнѣ и большими скорбными глазами смотрящую на освѣщенные окна второго этажа, гдѣ она видитъ и взрослыхъ, и дѣтей и гдѣ такъ тепло и вѣроятно не хочется такъ безумно ѣсть. Падаютъ хлопьями снѣгъ и вся улица покрыта его бѣлой пеленой. Звонятъ гдѣ-то ко всенощной и, вѣчно занятый и спѣшащій по дѣлу, народъ взадъ и впередъ стремится по тротуару или оста-

навливается иногда у окна магазина, чтобы на минуту вздохнуть и поглядѣть на разставленные за стекломъ товары.

— Проходите, проходите, обращается тогда къ образовавшейся толпѣ городской.—Дайте пройти другимъ!

Затѣмъ кончается вечеръ, наступаетъ ночь, улицы пустѣютъ и во всѣхъ окнахъ гаснетъ огонь. Городовой подходитъ къ какому-то комочку, обернутому въ лохмотья и прижавшемуся къ стѣнѣ.

— Иди, иди своей дорогой! обращается онъ къ нему.—Нечего тутъ! Уже пора!..

Комочекъ двигается, поднимается на ноги и смотритъ на городского большими испуганными глазами.

— Чего ты тутъ стоишь? продолжаетъ городской.—Иди домой! Уже пора! Нечего тутъ!.. Еще замерзнешь! Что это у тебя въ рукахъ?

— Спички.... слышится голосокъ.

— Спички? Ты ихъ продаешь? Ну, такъ неси ихъ поскорѣе домой! Нечего тутъ!.. Завтра опять выйдешь снова продавать. Иди домой!

— У меня нѣтъ дома... Позвольте мнѣ здѣсь постоять!

Но, привыкшая всегда бояться дворниковъ и городскихъ, дѣвочка собираетъ свои послѣднія силы и пускается бѣжать. Пробѣжавъ немного, она останавливается, переводитъ духъ и оглядывается назадъ.

Теперь ужъ она одна. Холодно, она чувствуетъ усталость и ее властно тянетъ ко сну. Но ей некуда идти. Никто изъ торговцевъ ее не взялъ на ночь къ себѣ и теперь она должна во чтобы-то ни стало продать свои спички, чтобы уплатить за ночлеги.

И она покорно бредетъ къ тому мѣсту, гдѣ находится театръ. Тамъ горять еще у входовъ электрическіе фонари, но публика уже выходитъ изъ него и, повидимому, начинается разъѣздъ. Дѣвочка становится у угла и жалобнымъ голосомъ начинаетъ предлагать проходимъ свой товаръ.

— Спички!.. Баринъ, купите спички!... Кушать хочется... Холодно!..

Какой то господинъ съ нѣсколькими свертками выбѣгаетъ вдругъ изъ кондитерской, въ которой еще производится торговля, не смотря на поздній часъ, и, оступившись, падаетъ вдругъ на землю и разсыпаетъ въ разныя стороны свои покупки. Онъ поднимается затѣмъ, страхиваетъ съ себя снѣгъ и, подобравъ свои покупки, спѣшитъ куда-то далѣе. Проходить другой господинъ и покупаетъ у Поли коробку спичекъ. Онъ бросаетъ ей въ темнотѣ на лотокъ двѣ копейки такъ неудачно, что онѣ падаютъ на землю, становятся на ребро и затѣмъ закатываются далеко по тротуару. Дѣвочка бросается за монетой въ догонку, долго шаритъ

по тротуару и наконецъ нашариваетъ какой-то свертокъ бумаги.

„Что бы это такое могло быть?“ думаетъ она и поднимаетъ съ земли монету и этотъ свертокъ.

Она осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ развязываетъ на немъ розовую ленточку, развертываетъ бумагу. Къ ея великому удивленію, это оказывается коробкой конфетъ съ красивой картинкой на крышкѣ. Она вскрикиваетъ отъ радости и, сунувъ монету въ карманъ, бѣжитъ безъ оглядки туда, гдѣ ей не могъ-бы помѣшать никто. Но гдѣ найти такой уголокъ?

Среди города большой паркъ, въ которомъ всегда расчищены отъ снѣга дорожки и посыпаны желтенькимъ пескомъ. Здѣсь въ голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ постоянно щебечутъ воробы и снѣгъ между деревьями такъ бѣлъ, какъ въ деревнѣ. Поля любила здѣсь бывать, хотя ее иногда отсюда и прогоняли. Здѣсь ей всегда казалось, что она не въ городѣ, а у себя въ лѣсу, гдѣ поютъ птицы и гдѣ не ѣдятъ извоцики и можно быть одной. И вотъ она бѣжитъ теперь въ этотъ паркъ.

„Здѣсь меня не тронетъ никто“, думаетъ она.— „Здѣсь я буду одна“.

И, выбравъ взглядомъ большое дерево, около котораго горитъ фонарь, она садится на снѣгъ у его ствола. Устроившись поудобнѣе, она открываетъ коробку и въ первый разъ въ жизни видитъ у себя

такъ много конфектъ. Вкусныя, красивыя, разнообразныя, всевозможныхъ вкусовъ и формъ, онѣ лежатъ въ коробкѣ, тѣсно прижавшись одна къ другой и, какъ кажется Поля, улыбаются и манятъ къ себѣ. Она закрываетъ отъ блаженства глаза и прикладываетъ руку къ груди.

— Нѣтъ, говоритъ она, — я васъ не буду ѣсть. Вы всѣ такія красивыя, что мнѣ жаль васъ трогать. Я только буду васъ нюхать и на васъ глядѣть.

Она открываетъ глаза, долго глядитъ на конфекты, но морозъ дѣлаетъ свое дѣло и ее противъ воли начинаетъ клонить ко сну. Рука съ коробкой начинаетъ валиться у нея, какъ плеть, у нея смыкаются глаза, она закрываетъ ихъ, откидывается назадъ и начинаетъ думать о своей находкѣ. Ей такъ теперь пріятно, что она одна, что ее не беспокоитъ никто и что можно на свободѣ помечтать!

И вдругъ ей начинается казаться, что конфекты становятся живыми. Изъ каждой конфекты начинаетъ вдругъ выглядывать мордочка, которая улыбается ей и съ любопытствомъ ее оглядываетъ. Поля дѣлаетъ движеніе, силится раскрыть глаза и не можетъ. Затѣмъ конфекты превращаются въ фей и улетаютъ изъ коробки. Остается только нѣсколько конфектъ.

„Такъ онѣ улетятъ у меня всѣ“,

думаетъ дѣвочка и старается закрыть коробку крышкой.

Но по всему тѣлу у нея разлита такая сладкая истома, что руки отказываются ей служить и она никакъ не можетъ сдѣлать то, что нужно.

— Я закрою ихъ и заверну въ бумагу, думаетъ она. — Эти конфекты чужія и я должна отнести ихъ туда, гдѣ взяла. Онѣ мнѣ не принадлежатъ. Оттого онѣ и улетаютъ. Ихъ могутъ ѣсть только богатые дѣвочки, а я должна на нихъ только смотрѣть.

Она глубоко вздыхаетъ и снова откидывается къ стволу дерева. Крышка выпадаетъ у нея изъ руки, и сама собою закрываетъ коробку.

И вдругъ изъ коробки слышится цѣлый хоръ голосовъ. Поля вздрагиваетъ, коробка валится у нея съ колѣнъ и конфекты рассыпаются по снѣгу. Одна изъ нихъ превращается въ красивенькую фею, какую когда-то Поля видѣла во снѣ, и говоритъ съ ней такимъ голосомъ, который сладкой струйкой вливается ей прямо въ самое сердце:

— Отпусти насъ, милая дѣвочка, на свободу! Позволь намъ уйти!

Другія конфекты тоже превращаются въ фей, всѣ онѣ берутся за руки, образуютъ большой хороводъ и начинаютъ радостно вертѣться вокругъ Поли. Вокругъ ихъ нѣжныхъ, хрупкихъ тѣлъ развѣваются кисейныя съ блестками платья и, расширяясь все въ боль-

шій и большій кругъ, онѣ начи-
нають пѣть:

Спи ты, бѣдняжка, спи одинокая,
Негдѣ тебѣ отдохнуть!
Лягь здѣсь на снѣгъ, здѣсь постелька
широкая!

Лягь, постарайся уснуть!

—
Мы будемъ пѣть тебѣ пѣсенку сладкую,
Будемъ тебя охранять
И надъ твоей снѣговой кроватью
Будемъ тихонько летать.

—
Полночь спустилась на землю глубокая,
Всѣ улеглись уже спать...
Спи-же и ты, сирота одинокая,
Скоро увидишь ты мать!

—
Когда онѣ кончили, то одна изъ
нихъ, у которой были свѣтло-шо-
коладныя волосы и платья изъ
фольги и отъ которой пахло ванилью,
подошла близко къ Полѣ, нагну-
лась надъ ней и сказала:

— Я Миньонъ. Мы тебя знаемъ
уже давно. Ты часто смотрѣла на
насъ черезъ стекло, когда мы ле-
жали въ кондитерской на окнѣ.
Мы знаемъ, что жизнь твоя тяже-
ла и что тебя некому пожалѣть.
Такъ какъ ты хорошая дѣвочка,
то мы хотимъ тебѣ помочь!

— Да, да! отозвались хоромъ и
всѣ остальные феи. — Мы хотимъ
тебѣ помочь!

— Давайте ее цѣловать въ губы!
продолжала шоколадная фея —
Миньонъ.

— Давайте, давайте!

И каждая изъ фей стала подхо-
дить къ Полѣ и цѣловать ее въ
губы. И всякій разъ, какъ онѣ ее
цѣловали, дѣвочкѣ казалось, что

она съѣдала вкусную конфекту. И
ей было странно, что онѣ назы-
вали ее хорошей дѣвочкой, цѣло-
вали ее и обходились съ ней, какъ
съ равной себѣ, тогда какъ всѣ
люди были къ ней грубы и непра-
ведливы.

— Мы давно уже наблюдаемъ
за тобой, обратилась къ ней фея,
поцѣлуй которой былъ такъ-же
мягокъ и вкусенъ, какъ и марме-
ладъ. — Однажды мы видѣли, какъ
ты перевела слѣпую старушку че-
резъ дорогу и помогла ей донести
до дома тяжелый узелъ...

— Но вѣдь это такъ естественно!..
отвѣтила ей Поля. — Вѣдь старушка
была слаба и не видѣла ничего!

— А въ другой разъ, продол-
жала фея, поцѣлуй которой былъ
вкусенъ, какъ ананасъ, — мы ви-
дѣли, какъ одинъ господинъ по-
купалъ у тебя спички и по ошиб-
кѣ далъ тебѣ вмѣсто копеекн
золотые десять рублей. Когда онъ
ушелъ и ты замѣтила его ошибку,
то ты побѣжала за нимъ въ до-
гонку и возвратила ему эти десять
рублей.

— Да, да! Я припоминаю это!
воскликнула Поля. — Но вѣдь это
такъ понятно! Развѣ я могла при-
своить себѣ чужія деньги? Мнѣ
нужно было получить всего одну
копейку!

Но въ это время все стало пу-
таться у Поли въ головѣ, она уже
ничего не могла разобрать изъ
того, что дѣлалось вокругъ нея, и

въ ухахъ у нея стало шумѣть такъ, точно невдалекѣ былъ водопадъ или взбѣгали на берегъ дикія морскія волны.

— Не бойся! вдругъ услышала она голосокъ одной изъ фей.— Все устроится хорошо!

— Но мнѣ хочется спать!.. отвѣтила ей Поля.— Я такъ устала! Мнѣ хотѣлось - бы неожиданно встрѣтить сейчасъ свою мать, какъ это описывается иногда въ книгахъ, но это невозможно!.. Я устала и не могу идти... Я уже не чувствую своихъ рукъ и ногъ...

Она плотнѣе сомкнула глаза; головка ея опустилась ей на грудь и все покрылось для нея туманной, непроницаемой пеленой...

— Спи, спи!.. донеслись до нея въ послѣдній разъ откуда-то уже издалека голоса фей.— Мы устроимъ такъ, что ты увидишь свою мать! А теперь—прощай!.. Прощай навѣкъ!

Поля слышитъ еще, какъ онѣ машутъ гдѣ-то вдали своими нѣжными крыльями, но шумъ водопада или волнъ заглушаетъ все, она хочетъ имъ крикнуть, дѣлаетъ въ послѣдній разъ усиліе и не можетъ. А далѣе все смѣшивается для нея въ какомъ-то странномъ туманѣ и ей кажется, что она сливается съ этимъ туманомъ и летитъ вмѣстѣ съ нимъ куда-то далеко—далеко, въ невѣдомые края...

Приходятъ утромъ въ паркъ два городовые и начинаютъ его осмат-

ривать. У ствола одного изъ деревьевъ они находятъ дѣвочку. Она лежитъ на снѣгу, безъ чувствъ, съ такимъ выраженіемъ лица, точно испытываетъ сказочное счастье. Ея блѣдныя губы сложены такъ, точно она собирается кого-то поцѣловать. Около нихъ и на щекахъ разлита блаженная улыбка. Срываются съ неба снѣжинки, падаютъ ей на лицо, но не таютъ.

— Плохое дѣло! говоритъ одинъ изъ городскихъ.— Дѣвочка замерзла!.. Но посмотри, какое счастливое выраженіе лица! Точно передъ смертью она видѣла сладкій сонъ!

— Перестань зря болтать! отвѣчаетъ другой, болѣе опытный въ такихъ дѣлахъ.— Каждая минута теперь дорога! Оберни ее во что-нибудь, а я сбѣгаю за извозникомъ!

Онъ приводитъ извозчика, укладываетъ въ санки Полю и везетъ ее въ участокъ. Тамъ принимаются первыя мѣры для приведенія дѣвочки въ себя, а затѣмъ, когда она приходитъ въ чувство, то видитъ себя въ большой палатѣ, въ которой пахнетъ карболкой и стоятъ рядкомъ бѣлыя, чистыя кровати. Слишкомъ еще слабая для того, чтобы припомнить все то, что случилось съ нею вчера, она все-таки имѣетъ настолько силъ, чтобы сообразить, что это дѣйствительно комната и настоящія кровати и что она лежитъ не на снѣгу, а на одной изъ нихъ. Около нея стоятъ

Спасение погибавшего. (Утопающему бросают пробковый круг.)

Серны.

докторъ и сидѣлка и обкладываютъ ее со всѣхъ сторонъ чѣмъ-то тѣмъ, отчего меньше чувствуется боль во всемъ ея тѣлѣ. Она хочетъ спросить ихъ, гдѣ ея конфеты, но снова лишается чувствъ и падаетъ въ забытѣе. А когда она снова приходитъ въ себя, то свѣтитъ солнце, доносится съ улицы церковный звонъ и изъ окна виденъ большой, глубокой садъ. Около нея сидитъ какая-то женщина и вяжетъ чулокъ.

— Гдѣ я? спрашиваетъ ее Поля.

— Въ больницѣ... отвѣчаетъ ей женщина. — Ну, какъ ты себя чувствуешь? Не дать-ли тебѣ попить?

Поля приподнимается на локоть и оглядывается по сторонамъ. На ближайшей изъ постелей лежитъ какая-то стриженная женщина и смотритъ на нее радостными, восторженными глазами.

— Кто это? спрашиваетъ Полю сидѣлка и указываетъ ей на стриженую женщину.

Поля приглядывается и узнаетъ, что это ея мать.

— Мама! взвизгиваетъ она и чувствуетъ, что ея сердечко готово лопнуть, разорваться отъ счастья.

Да, это она, ея мать, у которой былъ тифъ и которой поэтому остригли волосы, отчего она стала похожей на мужчину! Теперь она уже совсѣмъ здорова и только

выжидаетъ, когда поправится и ея дочь. Заслышавъ ея голосъ, мать подбѣгаетъ къ ней, обхватываетъ руками ея тѣлце и прижимается головой къ ея груди. Поля тоже хочетъ вскочить, обнять свою мать, но чувствуетъ себя въ бинтахъ и малѣйшее движеніе причиняетъ ей боль.

— Мама, мама! кричитъ внѣ себя отъ радости дѣвочка. — Моя милая, дорогая мама! Наконецъ-то ты нашлась!

Она хочетъ говорить ей ласковые слова, рассказать ей о томъ, что она тогда видѣла въ паркѣ во снѣ, разспросить ее о феяхъ, которыя сдержали свое слово и возвратили ей мать, но слезы подступаютъ ей къ горлу, мѣшаютъ ей говорить и, притянувъ голову матери себѣ къ лицу, она прижимается своей щекой къ ея щекѣ и обѣ онѣ начинаютъ плакать, плакать безъ конца.

А затѣмъ, когда онѣ успокаиваются и приходятъ въ себя, то имъ начинаетъ казаться, что солнце свѣтитъ только для нихъ однихъ, что теперь передъ ними открывается новая жизнь, полная счастья и радостей впереди и что теперь ихъ не разлучитъ уже никто.

Около нихъ стоитъ сидѣлка и, глядя на нихъ, тоже отъ радости, утираетъ себѣ глаза.

И. Войницкій.

❧ ФЕВРАЛЬ. ❧

<p>Ужъ на дворѣ Февраль и тамъ, гдѣ солнце грѣеть, На крышахъ таетъ снѣгъ и кап- лями течетъ, Дороги портятся, лѣса уже бу- рѣютъ И быстро на прудахъ рыхлѣетъ ледь.</p> <p style="text-align: center;">—</p> <p>Короче стала ночь и по утрамъ, за чаемъ,</p>	<p>Ужъ блѣдно не горятъ ни лампа, ни свѣча, И на соснѣ, тотчасъ-же за сараемъ, Ужъ видѣли въ гнѣздѣ прилетнаго грача.</p> <p style="text-align: center;">—</p> <p>Пройдутъ недѣли двѣ и побѣ- гутъ потоки, Прольются воды въ разные концы, Запрыгаютъ веселыя сороки И прилетятъ шумливыя скворцы.</p> <p style="text-align: right;">Ирисъ.</p>
---	--

НА ВСТРѢЧУ.

Повѣсть.

(продолженіе).

Капитану Зиновьеву и Алешѣ было необыкновенно пріятно видѣть передъ собою русскій городъ, слышать русскую рѣчь и церковный звонъ. Едва только, пароходъ „Петербургъ“ присталъ послѣ такого продолжительнаго перехода къ берегу, какъ они уже сѣли на извозчика и, не останавливаясь въ Одессѣ, отправились на вокзалъ. Имъ хотѣлось поскорѣе ѣхать туда, гдѣ еще роднѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ ихъ встрѣтятъ русская сѣдая старина, преданія, русская жизнь, гдѣ изъ окна вагона они увидятъ села и деревни, поля и лѣса, тихія рыбныя рѣки и гдѣ, быть можетъ, ихъ встрѣтитъ удалое пѣніе прекраснаго соловья.

Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ они прошли по вокзалу, сдали въ багажъ вещи, сѣли затѣмъ въ вагонъ и помчались на Сѣверъ. Все ихъ занимало такъ, точно они никогда не ѣздили по желѣзной дорогѣ. Съ чувствомъ почти дѣтской радости, капитанъ выходилъ на станціяхъ изъ вагона,

покупалъ буттерброды, пирожное и цвѣты, нюхалъ эти цвѣты такъ, точно видѣлъ ихъ въ первый разъ въ жизни, и ему казалось, что всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ былъ еще такъ недавно, онъ видѣлъ во снѣ и что только теперь для него начиналась настоящая жизнь наяву. Его маленькій спутникъ Алеша, уставшій цѣлые пятьдесятъ - три дня качаться на пароходѣ, тоже былъ радъ, что возвратился наконецъ на родину, и считалъ теперь минуты, когда увидится съ дѣдушкой и бабушкой и побѣгаетъ у нихъ въ усадьбѣ по саду.

— Ну, что-жъ, обратился къ нему капитанъ, когда они сидѣли уже въ вагонѣ. — Поѣдемъ ко мнѣ въ Москву? У меня ты будешь жить вмѣстѣ съ Колей... Вы будете вмѣстѣ учиться, бѣгать, играть...

Алеша давно уже привыкъ къ капитану и его пугала съ нимъ разлука, которая должна была совершиться завтра и, быть можетъ, навсегда. И на его лицо набѣгало облако, онъ опускалъ глаза и грубо, съ грустью вздыхалъ.

— А не можете-ли и вы поселиться вмѣстѣ съ Колей у моихъ дѣдушки и бабушки? отвѣтилъ онъ. — Они были-бы очень рады...

Капитанъ давно уже подумывалъ объ отставкѣ, и о томъ, какъ-бы хорошо было ему поселиться гдѣ-нибудь въ провинціи, гдѣ такъ свѣжи деревья и такъ бѣлъ зимою снѣгъ и гдѣ для Коли было-бы

столько свободы и простора. Но это было еще впереди, и, какъ и всякая серьезная перемена жизни, представлялось ему трудно исполнимымъ. Ему и самому не хотѣлось разставаться съ Алешей, котораго онъ полюбилъ, какъ родного сына, и завтрашній день, въ который ему придется передать его съ рукъ на руки его роднымъ, казался ему слишкомъ близкимъ и нежеланнымъ.

„Отвезу его къ дѣдушкѣ и бабушкѣ“, думалъ онъ — „и попрошу ихъ, чтобы они хотя на время отпустили его со мной!“

Наступилъ вечеръ. Спустилась затѣмъ тихая, южная ночь и наши спутники стали укладываться на ночлегъ. Кажется, это будетъ уже ихъ послѣдняя ночь, которую они проведутъ вмѣстѣ въ вагонѣ: завтра вечеромъ они будутъ уже въ Ворожбѣ, а затѣмъ капитанъ отправится на сѣверъ уже одинъ.

— Ну, Алексисъ, обратился онъ къ Алешѣ, — пора ложиться спать! Залѣзай, братъ, наверхъ, раздѣнься тамъ и устройся, какъ дома!

Алеша снялъ сапоги, курточку и штаны и полѣзъ на верхній диванчикъ вагона. Когда онъ лѣзъ, то капитанъ увидалъ, что у него прорвалась рубашка на локтяхъ и на спинѣ.

„Какъ это я не замѣтилъ до сихъ поръ, что у него такъ износилось бѣлье?“ подумалъ онъ.

И, взявъ курточку и штаны,

онъ поднесъ ихъ къ огню и осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ. За дорогу они залоснились, проносились въ локтяхъ и въ колѣнкахъ и капитану вдругъ показалось неловкимъ привозить Алешу въ такомъ видѣ домой. Онъ собралъ всѣ его вещи въ одно мѣсто, осмотрѣлъ ихъ и покачалъ головой.

— Плохо дѣло! сказалъ онъ. — Дыра на дырѣ!

И, поднявшись съ мѣста, онъ заглянулъ къ Алешѣ навверхъ. Алеша лежалъ на спинѣ, еще не спалъ и большими серьезными глазами смотрѣлъ въ потолокъ. Повидимому, онъ о чемъ-то думалъ. Капитанъ обнялъ его тоненькое, хрупкое тѣльце и легонько встряхнулъ его. Алеша пришелъ въ себя и улыбнулся.

— Вотъ что, Алеша, сказалъ капитанъ. — Намъ придется останавиться съ тобой въ Кіевѣ на денекъ и кое-чего купить. Ты весь обносился, да и я тоже. Кстати, ты поглядишь на городъ и увидишь Днѣпръ. Хочешь?

Вмѣсто отвѣта Алеша обнялъ его своими тонкими, какъ плетки, руками, притянулъ его голову къ себѣ и прижался къ ней щекой.

„Нѣтъ, подумалъ капитанъ, — намъ не слѣдуетъ разставаться! Судьба случайно соединила насъ, дорога сблизила и кто знаетъ? — быть можетъ, это недаромъ“!

Онъ снова уложилъ всѣ выну-

тыя вещи въ чемоданъ, постлалъ себѣ постель и тоже легъ спать.

Мимо нихъ мелькали телеграфные столбы, желѣзнодорожныя будки, деревья, огоньки. Теплый вѣтерокъ врывался къ нимъ въ окно и обдувалъ ихъ, но они его незамѣчали и спали крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

А на утро они были уже въ Кіевѣ, ходили по его главной улицѣ Крещатику и покупали себѣ бѣлье.

— Что-то теперь подѣлываетъ Коля! вспомнилъ о своемъ сынѣ капитанъ. — Надо чего-нибудь купить и для него.

А его Коля, наплакавшись до сыта и убѣдившись, что ему уже не встрѣтиться съ отцомъ, печально побрелъ съ пристани на вокзалъ. Мимо него проѣзжали экипажи, проходили встрѣчные, длинной чередой тянулись большіе дома, но онъ ничего этого не замѣчалъ, шелъ понуривъ голову, и все думалъ объ отцѣ. Гдѣ онъ теперь? Что онъ будетъ дѣлать, когда не найдетъ его въ Москвѣ? Простить-ли онъ ему то, что онъ такъ самовольно отправился въ Одессу одинъ?

Спустилась ночь, на высокомъ темномъ небѣ зажглись звѣзды и отъ фонарей и ярко освѣщенныхъ оконъ магазиновъ было очень свѣтло. По бокамъ улицъ цвѣли бѣлыя акаціи и ихъ запахъ очень нравился Колѣ, но душевное на-

строение его было таково, что онъ не обращалъ вниманія ни на что. Онъ шелъ и шелъ, не замѣчая усталости и того, что происходило вокругъ него. Слышалась откуда-то музыка, игралъ цѣлый оркестръ и, вѣроятно, на какомъ-нибудь бульварѣ или въ саду собралась публика, чтобы погулять и отдохнуть, но онъ чувствовалъ усталость и не хотѣлъ отдыхать. Онъ сядетъ сейчасъ на первый попавшійся поѣздъ и помчится поскорѣе въ Москву, чтобы повидаться съ отцомъ. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ онъ не остался дома, не взялъ себя въ руки, чтобы подождать отца, а далъ волю своему чувству и, очертя голову, такъ необдуманно, отправился на югъ!

И не чувствуя отъ усталости подъ собою ногъ, онъ добрался до вокзала и, сѣвши въ уголокъ, сталъ покорно ожидать, когда откроется касса и когда начнутъ продовать билеты.

На вокзалѣ было тихо. До поѣзда еще было далеко. Стояли кучками артельщики и зѣвали, два или три раннихъ пассажира пили у накрытаго стола чай. Около шкафчика съ книгами сидѣла продавщица и ожидала покупателей. А затѣмъ народъ все сталъ прибывать и прибывать, зажглось еще больше огней и въ вокзалѣ стало тѣсно и многолюдно.

Коля досталъ изъ кармана деньги, сосчиталъ ихъ и отложилъ столько,

сколько нужно было уплатить за билетъ. Какъ вдругъ около него раздался знакомый голосъ:—

— Здравствуй, краснокожій братъ мой!

Коля вздрогнулъ и поднялъ голову. Передъ нимъ, пугливо оглядываясь по сторонамъ, стоялъ Костя Оттопыринъ.

— Ну, что? спросилъ его Коля.— Когда ѣдешь въ Америку?

Костя безнадежно махнулъ рукой.

— Видишь-ли.. замаялся онъ.— У меня всего только 28 копѣекъ, а билетъ до Константинополя на пароходѣ стоитъ около двѣнадцати рублей. Мнѣ придется поступить здѣсь въ чернорабочіе и заработать эти деньги тяжкимъ, упорнымъ трудомъ. А ты куда?

— Я не встрѣтилъ папу и вотъ ѣду обратно въ Москву.

Костя глубоко и искренно вздохнулъ.

— Я и самъ тоже вернулся-бы сейчасъ къ себѣ въ Кіевъ домой, печально сказалъ онъ,—тамъ у меня осталась сестра Надя, которая не захотѣла бѣжать со мной въ Америку и быть индѣйкой... Но у меня нѣтъ денегъ на билетъ... Я долженъ остаться здѣсь!

— Что-же ты будешь здѣсь дѣлать? спросилъ его Коля, которому стало его жаль.

— Не знаю...

И Костя засмыкалъ носомъ и вдругъ, потерявъ самообладаніе,

приложилъ два кулака къ глазамъ и сталъ рыдать.

— Домой хочу!.. залепеталъ онъ. Мнѣ хочется кушать и я... боюсь! Я не знаю, что мнѣ дѣлать... я былъ сейчасъ на гавани и со всѣхъ пароходовъ меня прогнали въ шею. Сказали: „убирайся ты вонъ“! А какой-то матросъ выдралъ меня за ухо, далъ подшпенника и пригрозилъ: „вотъ подожди, говорить, я отправлю тебя въ полицію, тамъ тебѣ пропишутъ такую Америку, что не узнаешь и своихъ“! Зачѣмъ я, дуракъ, убѣгалъ изъ дому въ эту проклятую Америку!

Онъ заплакалъ такъ горько и такъ искренно, что Коля готовъ былъ расплакаться вмѣстѣ съ нимъ, но это было-бы бесполезно, и вмѣсто всякаго утѣшенія онъ досталъ изъ узелочка два сохранившихся, уже черствыхъ, пирожка и протянулъ ихъ къ путешественнику.

— На, поѣшь! сказалъ онъ. — А потомъ мы рассчитаемъ, сколько будетъ нужно денегъ для того, чтобы ты тоже уѣхалъ отсюда домой и, если у меня хватить, то я тебѣ одолжу.

Глаза Кости засвѣтились радостью. Онъ вырвалъ у Коли изъ рукъ пирожки и жадно ихъ съѣлъ. Видно было, что мухи и сѣно были менѣе питательны, чѣмъ эти два пирожка.

— Ты откуда ѣдешь? спросилъ его Коля. — Гдѣ живетъ твоя семья?

— Я — изъ Кіева, отвѣтилъ Костя,

немного успокоившись и повеселѣвъ. — Тамъ мои мама, папа и сестра Надя, которая не захотѣла быть индѣйкой. Я учусь тамъ въ гимназіи. Если-бы ты далъ мнѣ денегъ на билетъ до Кіева, то я былъ-бы тебѣ очень благодаренъ. Мнѣ такъ хочется повидаться съ родителями и съ сестрой! Ну, ее къ свиньямъ эту проклятую Америку!

И, сѣвши въ еще болѣе укромный уголокъ, они стали приводить въ извѣстность свои капиталы и высчитывать, сколько будутъ стоить билеты до Кіева и до Москвы.

И пока они это дѣлали, пришелъ съ сѣвера поѣздъ и волна прѣхавшихъ пассажировъ хлынула въ вокзалъ. Они такъ были заняты своими вычислениями, что и не замѣтили, какъ къ нимъ подошли какая-то дама, одѣтая въ черное, и съ нею жандармъ.

— Не это-ли, сударыня, онъ? сказалъ жандармъ и указалъ на Костю. — Они давно уже тутъ сидятъ!

— Костя! воскликнула вдругъ дама и бросилась къ мальчугану.

— Мама! взвизгнулъ Костя.

У дамы по щекамъ покатались слезы. Она рада была, что отыскала наконецъ своего сына, но въ то же время чувство обиды на то, что онъ такъ вѣроломно поступилъ съ нею и съ своимъ отцомъ, сдерживало ее и заставляло быть строгой.

Ангель—хранитель.

Въ Альпійскихъ горахъ.

— И тебѣ не стыдно, продолжала она,—что ты заставилъ всѣхъ насъ такъ страдать! Твой отецъ, Надя и я сбились съ ногъ, разыскивая тебя. Мы думали, что ты упалъ въ колодезь, обшарили всѣ углы и чердаки и только вчера вечеромъ Надя призналась намъ, что ты убѣжалъ въ Америку! О, сколько ты, негодный мальчишка, причинилъ намъ страданій и слезъ! За тобой хотѣлъ было ѣхать въ догонку отецъ, но я знала, что онъ высѣчетъ тебя, и поѣхала сама!

Костя стоялъ, виновато опустивъ глаза, и молчалъ.

— Грѣхъ тебѣ, Костя, грѣхъ! продолжала мать. — Хорошо еще, что я нашла тебя здѣсь! А что, если-бы ты успѣлъ уже отплыть на пароходѣ! Что-бы тогда было со мной и съ твоимъ отцомъ? Подумалъ-ли ты объ этомъ? Пожалѣлъ-ли ты насъ?

Она вынула изъ сумочки платокъ, заплакала и стала прижимать его къ глазамъ.

— Мама, прости меня, вдругъ заговорилъ Костя. — Я больше не буду никогда!

Его мать точно ожидала отъ него этихъ словъ, потому что бросилась къ нему, обняла его за шею и прижала его къ себѣ. Начались объятія, ласки и поцѣлуи.

Видя, что дѣло приняло такой оборотъ, жандармъ помялся немного и спросилъ:

— Прикажете мнѣ, сударыня, уйтить?

— Да, да, отвѣтила ему дама.— Можете идти! Спасибо вамъ! Теперь я управлюсь ужъ и сама!

Жандармъ ушелъ. Колѣ было пріятно смотрѣть на это радостное свиданіе матери съ сыномъ, но изъ чувства врожденной деликатности онъ отошелъ къ сторонкѣ и сталъ смотрѣть на росписаніе какой-то желѣзной дороги, висѣвшее на стѣнѣ. Долго еще мать и сынъ разговаривали о своихъ семейныхъ дѣлахъ, а затѣмъ Коля услышалъ, какъ мать громко и внушительно сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это уже рѣшено и подписано! Мы тебя отдадимъ въ кадетскій корпусъ! Тамъ съ тобою будутъ построже, и ты не будешь убѣгать въ разныя Америки да въ Одессы! Въ корпусъ, въ корпусъ! Пусть лучше изъ тебя будетъ кадетъ и выйдетъ современемъ хорошій человекъ!

Костя Оттопыринъ сталъ плакать, а потомъ подошелъ къ Колѣ и дернулъ его за рукавъ.

— Прощай, краснокожій братъ мой! сказалъ онъ.— Мы уѣзжаемъ! Пора!

— Куда? спросилъ его Коля.

— Въ Кіевъ, къ себѣ домой! отвѣтилъ Костя.— Уже поѣздъ поданъ! Былъ звонокъ.

Коля спохватился.

— Но вѣдь и я тоже ѣду съ

этимъ-же поѣдомъ! воскликнулъ онъ.

— Такъ поѣдемъ съ нами!

— Поѣдемъ!

И Коля побѣждалъ брать себѣ билетъ.

Когда они сидѣли уже въ вагонѣ и мать Кости узнала, зачѣмъ Коля ѣздитъ въ Одессу и какъ жестоко поступила съ нимъ судьба, разлучивъ его съ отцомъ, то ей стало такъ его жалко, что она посадила его около себя и стала гладить его по головѣ.

— Бѣдный мальчикъ! заговорила она.— Бѣдный сироточка! Некому тебя приголубить, приласкать... Некому о тебѣ позаботиться, накормить тебя и напоить!..

Она причитала надъ нимъ, а слезы такъ и катились у нея изъ глазъ прямо ему на темя.

— Шутка-ли сказать! продолжала она.— Такой маленькій мальчикъ и совершаетъ такое путешествіе, чтобы встрѣтить своего папу! Ангельчикъ ты мой! Сироточка ты моя несчастная!

И, сдѣлавъ вдругъ серьезное лицо, она посмотрѣла строго на своего Костю и погрозила ему пальцемъ.

— Вотъ настоящая любовь къ своимъ дорогимъ родителямъ! сказала она.— Онъ тоже убѣждалъ изъ дома, но для благородной, возвышенной цѣли — для свиданія со своимъ отцомъ. А ты, негодный мальчишка, бросилъ насъ на произволь судьбы и убѣждалъ въ ка-

кую-то дурацкую Америку! Кто же изъ васъ двоихъ лучше поступилъ? Ты думаешь, дурандасъ ты этакій, что ты герой, что геройство состоитъ въ томъ, чтобы лѣзть напроломъ и биться головой объ стѣну? Нѣтъ, мой милый, то ужъ не геройство, гдѣ нѣтъ къ ближнему любви! Какіе-бы великіе поступки ты ни совершалъ, какимъ бы храбрецомъ ни былъ, а если ты дѣйствуешь не во имя любви, а во имя своего собственнаго удовольствія, то ты уже не герой, а попросту—болванъ!

И притянувъ Колю къ себѣ, она обняла его, поцѣловала, а затѣмъ достала изъ подъ лавки корзиночку, вынула изъ нея колбаску, хлѣбъ, пирожки и холодныя, вчерашнія котлеты, разложила все это на салфеткѣ и налила изъ бутылки въ двѣ чашки молока.

— Кушайте, мои милые! сказала она.— Поди, проголодались, бѣдняжки. Ышьте побольше!

Они бросились на ѣду и стали истреблять ее за обѣ щеки, какъ голодные шакалы. Она глядѣла на нихъ полными умиленія глазами, и ей пріятно было, что они были около нея и что ѣли съ такимъ аппетитомъ.

— Ышь, ѣшь! подкладывала она Колѣ то кусочекъ колбаски, то котлетку, то пирожокъ.— Наѣдайся до сыта! Ты—сирота, тебя некому накормить!

И глядя на ея доброе лицо, на

ея ласковые любвеобильные глаза, Коля никакъ не могъ понять, почему Костя былъ такъ жестокъ, что бросилъ свою мать и рѣшился бѣжать. Что, если-бы и у него тоже была жива мать! Какъ-бы онъ заботился о ней, какъ-бы онъ старался ее покоить и беречь!

Насытившись, они легли спать, но Коля еще долго не могъ заснуть и все думалъ о томъ, почему у однихъ есть, а у другихъ нѣтъ, и почему на свѣтѣ есть сироты и бездомные и есть люди, которымъ не нравится жизнь въ родной семьѣ. И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ неразрѣшимѣе казался ему этотъ вопросъ и тѣмъ все плотнѣе и плотнѣе смыкались его глаза. Затѣмъ онъ заснулъ, а поѣздъ все шелъ и шелъ и когда Коля проснулся, то было уже утро, свѣтило солнце и слышно было, какъ въ полѣ пѣли жаворонки. Внизу у окошка сидѣлъ Костя и около него суетилась его мать, стучала посудой и хлопотала съ чаемъ. У нея былъ уже заваренъ чай и стояла бутылка свѣжаго молока, очевидно, купленная на ближайшей станціи.

— Вставай, сынокъ, вставай, обратилась она къ Колѣ, замѣтивъ, что онъ уже проснулся и потягивается.— Уже пора! Пойди умойся, помолись Боженькѣ, да и давайте пить чай!

— А, краснокожій братъ мой! обрадовался Костя.— Вставай ско-

рѣе! Что это ты такъ спишь? Уже одиннадцатый часъ!

Коля спрыгнулъ съ верхней лавки, оправился, умылся и всѣ трое принялись за чаепитіе. Послѣ такого долгаго сна Коля чувствовала себя уже не такъ плохо, какъ вчера вечеромъ, къ тому-же теперь онъ ѣхалъ не одинъ, чувствовалъ себя немного въ семьѣ и дома, сталъ смѣяться и разговаривать и дорога показалась ему не такой длинной, какой была до сихъ поръ. Онъ шутилъ, рассказывалъ своимъ спутникамъ о Москвѣ, о царь-пушкѣ, царь-колоколѣ, о колоколнѣ „Иванъ-Великій“ и они слушали его съ большимъ вниманіемъ и съ такимъ видомъ, точно онъ былъ большой. А тѣмъ временемъ поѣздъ все двигался и двигался впередъ, солнце поднималось все выше и выше и наконецъ, свершивъ свой дневной путь, стало склоняться къ западу. Вспыхнуло яркимъ заревомъ небо, протянулись вдоль горизонта пепельные облачка и наконецъ въ далекой синевѣ показался Кіевъ. Всѣ пассажиры закрестились на его церковныя главы, засуматошились, засуетились, стали укладывать свои вещи, увязывать въ узлы. Засуетилась и мать Кости. Оба мальчика высунулись въ окно и стали глядѣть на открывавшійся передъ ними городъ.

— Какъ-то встрѣтитъ меня отецъ! вздохнулъ Костя.— Онъ

очень обидѣлся на меня и я боюсь, какъ - бы онъ меня не наказалъ...

И вдругъ такимъ тономъ, точно его осѣнила блестящая мысль, онъ схватилъ Колю за руку и сказалъ:—

— Поѣдемъ, Коля, къ намъ! Если ты будешь у насъ, то папа постѣняется чужого и простить меня! Сдѣлай такое одолженіе! Мамочка, пусть Коля поѣдетъ къ намъ и погостить у насъ! Я познакомлю его съ Надей, мы будемъ вмѣстѣ играть!

— Ну, что-жь? отвѣтила ему мать. — Очень пріятно! Только я должна предупредить тебя, что лично тебѣ играть не придется, потому что папа повезетъ тебя на будущей недѣлѣ на экзаменъ въ кадетскій корпусъ и тебѣ нужно будетъ повторить зады.

— На будущей недѣлѣ? испугался Костя.—Такъ скоро?

Но разговаривать долѣе не приходилось, такъ какъ поѣздъ подходилъ уже къ вокзалу. Потянулись ряды вагоновъ, паровозы, будки, депо, затѣмъ замелькали столбы платформы, носильщики, публика — и, окончивъ свой далекій путь, поѣздъ остановился наконецъ у вокзала.

— Пойдемъ, Коля, къ намъ! взмолился Костя, когда уже всѣ вышли изъ вагона. Я буду тебѣ очень благодаренъ! Ты переночуешь у насъ одну ночь и по-

ѣдешь дальше! А? Хорошо? Согласенъ?

Его мать тоже посмотрѣла на Колю такими ласковыми глазами, что у него не хватило силъ отказаться и онъ отвѣтилъ:— „Хорошо“.

И, раздѣливъ, между собою узелки, они вышли изъ вокзала и сѣли въ трамвай. И когда они проѣхали уже довольно большое пространство и мимо нихъ протянулся длинный тополевыи бульваръ, то откуда-то изъ переулка выѣхалъ вдругъ извозчикъ и проѣхалъ такъ близко мимо нихъ, что чуть не задѣлъ крыломъ за трамвай. Коля взглянулъ на него, да такъ и обомлѣлъ. При слабомъ освѣщеніи заката онъ увидѣлъ на немъ своего отца и съ нимъ какого-то худенькаго мальчика лѣтъ девяти и нѣсколько чемодановъ.

— Папа! Папа! закричалъ онъ ему вслѣдъ и схватился за сердце.

Все закружилось въ его глазахъ: и вагонъ трамвая, и пассажиры, и бульваръ. Онъ продолжалъ кричать: „Папа! Папа!“, но его не понималъ никто, а тѣ, кто проѣхалъ мимо него на извозикѣ, не услышали его и продолжали свой путь, повидимому, на вокзалъ.

Онъ плакалъ, умолялъ, чтобы остановили поскорѣе вагонъ, увѣрялъ всѣхъ, что видѣлъ сейчасъ отца, и когда наконецъ вагонъ былъ остановленъ и онъ, не про-

стившись даже со своими спутниками, выскочилъ изъ него и пустился бѣжать вслѣдъ за извощикомъ, то было уже темно, впереди свѣтились огни фонарей и всѣ извошки и пѣшеходы смѣшались въ одну общую живую массу, которая двигалась и волновалась, но въ которой теперь трудно было узнать какое-нибудь опредѣленное лицо.

И, не чуя подъ собою ногъ, Коля все бѣжалъ по тому направлению, по которому поѣхалъ его отецъ, держался рукой за сердце, чтобы оно не разорвалось отъ одышки на части, и все повторялъ:—

— Боженька, помоги мнѣ! Поддержи меня! Научи меня, какъ мнѣ поскорѣе догнать папу!

А что, если это былъ не онъ? Что, если это былъ кто-нибудь другой, а не его отецъ?

Но самая мысль объ этомъ казалось для Коли смѣшной и нестойившей вниманія. Это былъ онъ, это были его усы, его глаза носъ, ротъ, уши... А если Колѣ изменило его зрѣнiе, то развѣ сердце не подсказало ему, что онъ встрѣтился именно съ отцомъ? Развѣ тотъ голосъ Бога, который живетъ въ каждомъ человѣкѣ и управляетъ имъ, не помогъ Колѣ узнать того, кого онъ такъ горячо любилъ, и не указалъ ему безошибочно на его отца?

Да, да! Это былъ онъ, его отецъ!

Но кто-же былъ съ нимъ? Кто былъ этотъ мальчикъ съ большими лучистыми глазами, который такъ слушалъ, что онъ ему говорилъ, и такъ улыбался отъ удовольствія? Это былъ вопросъ, котораго Коля не могъ разрѣшить.

Запыхавшись отъ усталости, весь мокрый отъ жары, Коля прибѣгаетъ наконецъ, къ вокзалу и не помня и не видя передъ собой ничего и никого, влетаетъ въ него, какъ стрѣла, и бѣжитъ къ кассѣ. Поѣздъ еще стоитъ у станціи, но до его отхода остается всего только пять минутъ. Сейчас онъ возьметъ билетъ, вскочитъ въ этотъ поѣздъ, пробѣжитъ его весь отъ начала до конца и найдетъ въ немъ того, кого такъ долго и такъ пламенно жаждала увидѣть его душа.

— Дайте мнѣ билетъ третьяго класса до Москвы! говоритъ онъ кассиру и выкладываетъ передъ нимъ всѣ свои деньги.

— Въ этомъ поѣздѣ третьяго класса нѣтъ, отвѣчаетъ ему кассиръ.— Поѣздъ съ третьимъ классомъ отойдетъ только черезъ 45 минутъ...

И, сосчитавъ разложенныя передъ нимъ деньги, онъ добавляетъ:—

— И все-таки и на третій классъ до Москвы здѣсь не хватаетъ двухъ рублей!

Коля хватается за сердце, хочетъ закричать, затопать ногами,

начать плакать, умолять, грозить, но все кружится въ его головѣ, онъ боится, какъ-бы не лишиться сознанія и не упасть, и прислоняется къ стѣнкѣ, а въ это время раздается третій звонокъ и поѣздъ

медленно, но неумолимо отходить отъ станціи и увозить отъ него того, кто былъ для него дорожне всѣхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Б-скій.

ЧИЖИКЪ.

Однажды я вышелъ изъ дома погулять по полю. По дорогѣ меня застала гроза. Сверкала молнія, гремѣлъ страшный громъ и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Кое-какъ я укрылся отъ непогоды подъ старой сосной, а затѣмъ, когда все стихло, отправился къ себѣ домой. По пути я неожиданно наткнулся на какое-то живое существо, лежавшее на самой дорогѣ.

Что бы это могло быть?

Я нагнулся и увидалъ маленькую птичку. Она была едва жива. Я поднялъ ее, взялъ въ руки и сталъ согрѣвать. Перышки ея были мокры и она умирала отъ холода.

Поднявъ голову, я увидѣлъ на краю дороги дерево, а взглянувъ пристальнѣе, нашелъ и гнѣздо-колыбельку, которую свила съ такой любовью ея нѣжная мать.

Пронеслась гроза съ вѣтромъ и дождемъ и вырвала это дерево съ корнемъ. Онадохнула смертью. Тутъ-же невдалекѣ въ мокрой

травѣ лежали безъ признаковъ жизни еще три маленькихъ птенчика такихъ-же, какъ и мой.

Растерявшаяся и обездоленная мать вѣроятно улетѣла послѣ этой грозы куда то далеко-далеко...

— Дѣлать нечего, рѣшилъ я.— Я замѣню этому птенчику мать.

Я растегнулъ сорочку и осторожно посадилъ приемыша къ себѣ на грудь, за пазуху. Боясь, какъ-бы не помять его, я пошелъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы несъ какую нибудь драгоценность.

— Чѣмъ кормить птенца? Насѣкомыми? Мясомъ?

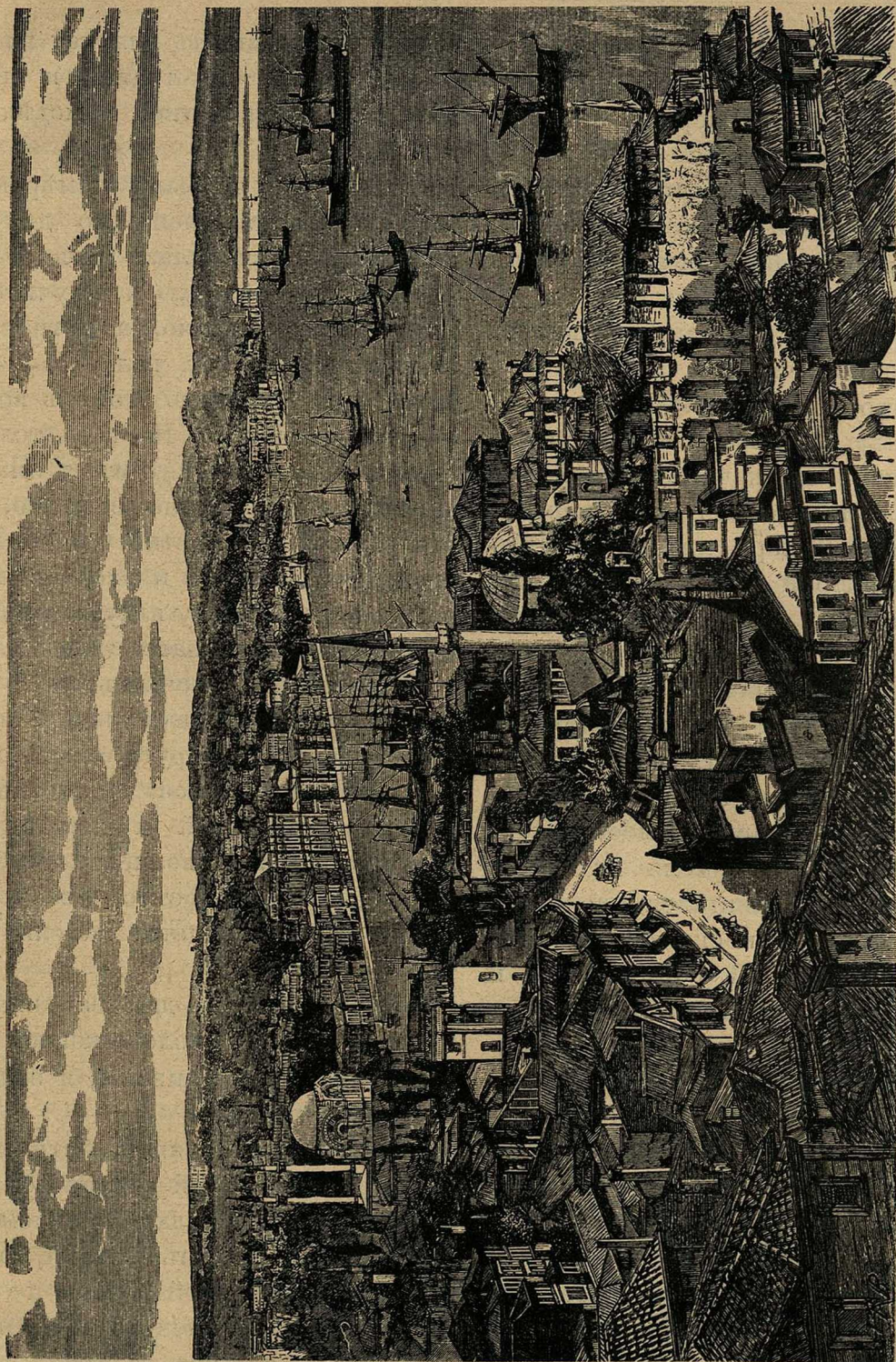
Ничего этого я не зналъ. На птенчикѣ еще мало было перьевъ: его одежду составлялъ еще только легкій пушокъ.

— Все таки чѣмъ же его кормить? думалъ я. Мухами, или гусеницами, или быть можетъ зерномъ?

Я былъ не на шутку озабоченъ. Вдругъ меня осѣнила мысль. Не-

Семья медведей.

Константинополь.

далеко стоялъ домъ желѣзнодорожнаго сторожа. Около дома было засянное поле. Теперь я понялъ. Предусмотрительная мать моего птенца выбрала мѣсто для своего гнѣзда именно здѣсь, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы легче добывать себѣ кормъ.

Итакъ, мой птенецъ—существо зерноядное.

Но вотъ мы и дома. Съ какой радостью я внесъ его въ свою избушку, съ какой нѣжной заботливостью сталъ его кормить и поить! Теперь мнѣ стало казаться, что я уже не одинъ, что у меня есть другъ, и все какъ-то сразу перемѣнилось для меня и приобрѣло новый смыслъ въ моей избушкѣ! Придя домой, я тотчасъ-же сварилъ яйцо, мелко изрубилъ его и, не теряя ни минуты, сталъ кормить моего птенца. Пригрѣтый у меня на груди, онъ ожилъ, задвигался и до моихъ ушей сталъ доноситься его умолявшій пискъ. Я кормилъ его и чувствовалъ, какъ близость этого безпомощнаго, маленькаго существа согрѣвала мою душу и какъ оттаивало мое одинокое сердце.

— Кушай, милый! говорилъ я ему — Клюй на здоровье!

Какъ широко раскрывала эта осиротѣлая птичка свой большой, тогда еще некрасивый ротъ! Съ какой нѣжной заботливостью я старался положить въ него крошку крутого яйца! А когда наступилъ

вечеръ, то я сплелъ для нея клѣточку, устлалъ ее травой и помѣстилъ ее въ мягкое самодѣльное гнѣздо.

Но я вовсе не былъ намѣренъ держать своего маленькаго друга въ плѣну! Какъ только онъ подрастетъ, думалъ я,—и научится ѣсть самостоятельно, я тотчасъ-же выпущу его на волю. Я долженъ былъ оградить его отъ возможной опасности. Но какъ только мы оставались потомъ съ нимъ вдвоемъ и окно было закрыто, я отворялъ дверку клѣтки. Онъ сталъ свободно выходить и входить черезъ нее, когда ему вздумывалось поклевать рубленнаго яйца или идти къ себѣ на ночлегъ.

Прошло двѣнадцать дней. У моего маленькаго друга выросли перья. Это оказался прелестный Чижикъ, стройный и изящный, вертлявый, какъ волчекъ. Какое счастье! Его радостное, веселое пѣніе теперь будетъ наполнять мое жилище.

Потекли затѣмъ дни за днями и часто, сидя около окошка и глядя на моего чижику, я задавалъ себѣ вопросъ:

— Любитъ-ли меня эта птичка? Не пора-ли съ ней разстаться и выпустить ее на волю? Но почему-же тогда, выйдя изъ клѣтки, она вьется вокругъ моей головы и садится ко мнѣ на плечо? Изъ любви ко мнѣ, или-же изъ за того, что я даю ей ѣсть?

И я былъ увѣренъ, что птичка привязалась ко мнѣ такъ-же, какъ и я къ ней. Она положительно интересовалась всѣмъ, что я дѣлалъ. Какъ только наступало утро—она уже являлась ко мнѣ на подушку и начинала прыгать по мнѣ. Правда, этимъ она нерѣдко будила меня въ то время, когда мнѣ еще можно было поспать, но это нисколько не нарушало нашего согласія и не мѣшало, и мнѣ опять заснуть.

Поднявшись съ постели и одѣвшись, я обыкновенно выходилъ въ садъ, приносилъ оттуда кусокъ свѣжаго, еще влажнаго отъ росы дерна и клалъ въ клѣтку.

Съ какою радостью чижики начиналъ копаться въ зелени, въ землѣ и дѣлать такія движенія, какъ будто онъ купается! Затѣмъ онъ принимался разыскивать въ землѣ мелкія зернышки и сѣмена, до которыхъ былъ большой охотникъ. Въ клѣткѣ у него было все необходимое и постоянно стояла свѣжая вода.

Но вотъ онъ и выросъ, наконецъ. Теперь онъ ѣлъ уже самостоятельно и я былъ увѣренъ, что онъ теперь уже сможетъ снискивать себѣ пропитаніе на волѣ самъ. Тамъ онъ встрѣтитъ компанію, думалъ я, къ которой и примкнетъ. Вмѣстѣ съ этой компаніей онъ осенью приготовится встрѣтить зиму.

И я рѣшился его выпустить на волю.

Мой милый, ненаглядный Чижики, теперь я долженъ буду остаться безъ тебя! Теперь уже ты поешь и твое незатѣйливое пѣніе услаждаетъ мой слухъ.

Ты забавляешь меня, когда начинаешь клевать мое перо или мой карандашъ въ то время, когда я пишу. Когда я сижу за столомъ, ты сидишь на пробкѣ графина или же прыгаешь вокругъ тарелки и подбираешь крошки хлѣба, упавшія на полъ.

Неужели же намъ придется разстаться?

Но я не буду жестокимъ и не стану удерживать тебя противъ твоего желанія въ плѣну!

— Видишь? Окно открыто, обратился я къ своему дружку.—Лети, если хочешь! Но прежде подумай и выбирай: здѣсь—я, любящій тебя, и здѣсь всегда готовъ для тебя кормъ; тамъ—воздухъ, свобода и общество тебѣ подобныхъ птицъ. Повторяю: выбирай!

И Чижики остался.

Спасибо, тебѣ, мой ненаглядный другъ!

И мы стали жить, какъ жили до сихъ поръ.

Прошелъ годъ и мой Чижики захворалъ. Онъ сталъ скученъ, захирѣлъ, нахохлился и по цѣлымъ днямъ сталъ неподвижно просиживать на жердочкѣ и держать голову подъ крыломъ. Это обезпокоило меня до глубины души. Я опасался, что онъ не останется

въ живыхъ. Я цѣлые дни и ночи просиживалъ около него и все бранилъ себя, что не отпустилъ тогда его на волю насильно. Но болѣзнь моего друга скоро прошла. Черезъ двѣ недѣли онъ былъ уже въ новомъ уборѣ. Онъ сталъ еще красивѣе, чѣмъ былъ до сихъ поръ, голосъ его сталъ чище и звучнѣе и онъ снова сталъ порхать по комнатѣ и наполнять своею суетливостью мою жизнь.

Такъ наступила вторая зима. Но вотъ прошла и она. Засвѣтило яркое солнце, сталъ таять снѣгъ, съ горъ быстро сбѣжали ручьи и настали свѣтлыя, теплыя ночи. Зазеленѣли поля и лѣса и вновь защебетали ласточки и запѣли скворцы.

Я снова отворилъ окошко и сказалъ своему плѣннику:

— Лети!

Онъ посуетился около меня и затѣмъ съ радостнымъ пискомъ вылетѣлъ въ окошко, сдѣлалъ нѣсколько круговъ, пока не расправилъ своихъ крыльевъ, и наконецъ исчезъ въ воздушной глубинѣ.

И я остался одинъ. Но мое одиночество продолжалось всего только около трехъ недѣль. Отворивъ однажды окошко, я опять услышалъ радостное пѣніе моего друга. Онъ сидѣлъ надъ окномъ, расправлялъ свои крылышки и пѣлъ. Я поманилъ его къ себѣ. Онъ слетѣлъ ко мнѣ, посидѣлъ у

меня на плечѣ, но скоро затѣмъ снова отправился напрежнее мѣсто. Я вышелъ на дворъ. Завидѣвъ меня, онъ полетѣлъ къ сосѣднему сосновому лѣсу. Я послѣдовалъ за нимъ. Тамъ онъ сѣлъ на вѣтку громадной сосны и я увидѣлъ на ней у самаго ствола его маленькое гнѣздо. Оно было сдѣлано имъ изъ сухихъ прутиковъ, мха и шерстинокъ, которыя онъ навѣрное нашелъ гдѣ-нибудь около людей или стадъ. При моемъ появленіи изъ гнѣзда вылетѣла самка и стала съ пискомъ летать вокругъ меня. Она еще не знала меня и очевидно испугалась. Я заглянулъ въ гнѣздо: тамъ лежали пять блѣдно-зеленоватыхъ яичекъ, покрытыхъ крапинками и жилками. Когда я отошелъ отъ сосны, то самка снова сѣла на яички, а мой другъ подлетѣлъ къ ней и сталъ ее кормить пищей, измельченной въ его зобу.

И я сталъ часто навѣщать моихъ друзей. По прежнему самка сидѣла на яичкахъ только одна, по прежнему ее кормилъ самецъ, а ровно черезъ 13 дней у нихъ вылупились уже птенцы.

Съ какою нѣжностью отецъ и мать стали ихъ кормить! Я цѣлые часы простаивалъ около милой семьи, жилъ ея жизнью, и чѣмъ могъ, старался быть ей полезенъ. Я приносилъ съ собою зерна и разсыпалъ ихъ вокругъ сосны, варилъ для нея въ крутую яйца,

мелко рубилъ ихъ и клалъ на дощечкѣ вблизи. И когда наконецъ черезъ четыре недѣли маленькіе птенчики научились уже летать, то я почувствовалъ себя такъ, точно сдѣлалъ большое дѣло или помогъ живому существу въ бѣдѣ.

А когда въ іюнѣ я пришелъ однажды къ гнѣзду, то въ немъ не оказалось уже никого. Мои маленькіе друзья выросли и вмѣстѣ со своими родителями улетѣли изъ него навсегда. Я говорю „навсегда“, потому что чижи никогда не-

возвращаются обратно въ свои гнѣзда.

— Летите-же, мои друзья! ска- залъ я имъ вслѣдъ.— Пользуйтесь жизнью и свободой, которыя даровалъ вамъ Господь! И если когда-нибудь вы захотите снова меня навѣстить, то знайте, что у васъ есть другъ, который всегда дастъ вамъ пріютъ, но который никогда не рѣшится васъ ловить и держать взаперти!

И я съ грустью побрелъ къ себѣ домой.

А. Е—нъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, означающія:

1) Хищную птицу, очень обыкновеную въ деревняхъ.

2) Животное, похожее на человека.

3) Красивый, душистый цвѣтокъ.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первой и послѣдней буквѣ и составить изъ нихъ слоги. Всего, слѣдовательно, выйдетъ три слова.

Названіе какого города на Волгѣ можно составить изъ этихъ словъ?

II.

Когда дѣти слишкомъ близко подошли къ рѣкѣ, то няня окликнула ихъ и позвала домой.

— Саша, Нина, Коля! позвала она ихъ.—Идите отъ рѣки домой!

Почему она позвала ихъ отъ рѣки?

(предложила А. Бѣлявская).

III.

Задуманы три слова, означающія:

1) Мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ.

2) То, изъ чего дѣлаются рогожи.

3) То, что необходимо для жизни всѣхъ животныхъ и растений.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первой и послѣдней буквѣ и составить изъ этихъ буквъ слоги. Всего, слѣдовательно, выйдетъ три слога. Изъ этихъ слоговъ составить новое слово, которое означаетъ то, безъ чего не можетъ жить ни одно живое существо.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IV.

Задуманы два плода и растеніе, которые не растутъ въ нашихъ краяхъ, а именно:

1) Душистый, желтый плодъ, который мы кладемъ въ чай, въ уху и въ пирожное.

2) Плодъ пальмы, который составляетъ вкусное лакомство.

3) Растеніе, которое кладется для запаха въ куличи, въ пирожныя и въ мороженное.

Изъ первыхъ слоговъ этихъ трехъ словъ составить названіе приморскаго города, черезъ который къ намъ ввозятъ эти два плода и растеніе изъ заграницы.

Какія это слова и какой это городъ?

V.

Названія какихъ фруктовъ, сладостей и плодовъ заключаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1) Мы принимали натоцакъ лекарство.

2) Позднею осенью Дарья выкапывала изъ грядъ клубни картофеля.

3) Рѣдкая лошадь бываетъ болѣе вынослива, чѣмъ осель.

4) Сѣла на гряды няня и цѣлый день прополола на нихъ траву.

5) Онъ вынулъ изъ сундука штаны, рубаху и чулки и завязалъ ихъ въ узелокъ.

6) Изъ пасти лаявшей собаки текла густая пѣна.

7) Въ набѣжавшей отъ вѣтерка

на прудѣ ряби начали плескаться рыбки.

8) Брошенное дитя зябло, ковырялось въ снѣгу и не знало, что ему дѣлать.

9) По лѣсной тропинкѣ шли монахи, направляясь къ себѣ въ монастырь.

10) Наша земля никакого удобрения не требуетъ.

VI.

Шуточные вопросы: 1. Зачѣмъ охотникъ несетъ съ собой на охоту ружье? 2. За что мясники ведутъ бѣдную скотину убивать именно на бойню? (Предложилъ Юра Ильешенко).

Загадки: Стоить на четырехъ ногахъ, а на спинѣ перья. Что это?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 5, помѣщенныхъ въ № 5 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. По рельсамъ. II. По славянски буква „л“ называется „люди“, а буква „д“ — „добро“. Конечно, слово „люди“ не можетъ быть безъ буквы „д“, а слово „земля“ — безъ буквы „л“. III. Доло, золото, болото.

Шуточные вопросы: 1. Въ натянутыхъ. 2. Вовсе не убивать животныхъ. 3. буква „с“. 4. Холодный и мокрый.

Ребусъ № 5. Въ с + ухо + ель + ъ + томы + часъ + тополь + ива + лиса + дѣ въ о + до + ю + изъ + б + очки = Въ сухое лѣто мы часто поливали садъ водою изъ бочки.

Вѣрные рѣшенія прислали: Оля, Шура и Боря Тихомировы, Нина Пигулевская изъ Россіенъ, Витя, Толя и Андруша со станціи Оренбурга, Коля Романовъ, Шура и Галя Фруктовы изъ Елатмы, Шура Брайловская изъ Ялты, Симочка, Эльзочка, Наточка и Шурочка изъ Новочеркаска, Оля Губина изъ Луганска, Катя Хухрина, Гога Штернталь, Витя Бейтлеръ, Толя и Витя Федотьевы изъ Турска, Владя Огородниковъ изъ Костромы, Мэра и Паша изъ Одессы, Оля Слѣпушкина изъ Кіева, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Георгій Тимофеевъ изъ Ладау, Катруся Бобкова со ст. Ломъ, Софія Мееровичъ, Володя и Муса Визи въ СПБ., Боря Венцкевичъ, Ксенія Цетреусъ изъ Вильны, Миша Суровець въ СПБ., Леля Пранъ изъ Вологос, Андруша Шпекъ, Шурикъ Путиловскій изъ Усикирко, Варя Левашева, М. Фролова изъ Воронежа, Леночка Серебренникова, Борисъ фонъ-Бремзенъ, Наталія Маратканова изъ Чебоксаръ, Надя Чернышева въ СПБ., Шура, Зоя и Ваня Рожественскіе изъ Кугульты, Люся Мишарева, Клавочка Ващенко изъ Коканда, Миша Глянка изъ Балаклавы, Петръ Ковалевскій въ СПБ., Петя Ляхницкій изъ Винницы, Нина Шаройко изъ Боровичъ, Симочка, Эльзочка и Шурочка изъ Новочеркаска, Оля Павлова изъ Харькова, Петя Сапуновъ изъ Камышина, Витя и Жєня Дарре, Алеша Вендеровичъ изъ Таганрога Шура и Жєня Пидотти, Игорь Максимовъ въ СПБ., Петръ Ковалевскій въ СПБ., Катя Безрукова изъ Крапивны, Володя Теремецкій изъ Гатчины, Коля Коптѣловъ, Гога Штернталь, Леня Юрасовъ изъ Новгорода, Коля Осколковъ изъ Шуи, Муся Смирнова изъ Калуги, Зоя Смирнова, Ксеня Цетреусъ изъ Вильны, Сима Воскресенская, Коля и Нина Петровы изъ Саратова, Жєня Филиповъ, Павликъ и Нюша

Криницны изъ Орлова, Маруся Хаймовичъ изъ Гадяча, Андрей Озерецковскій, Петя Волковичъ изъ Нижняго-Новгорода, Катя Волковичъ, и всѣ Волковичи, Леня Тимоновъ, Ратя Концевичъ изъ Омска, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Володя Ревенко изъ Харькова, Ваня Листратовъ изъ Бронницъ, Ксенія Соболева изъ Николаева, Николай Орловскій со ст. Сѣверская, Катя Давыдова, Юра Ильяшенко, Юрикъ Герштеймеръ со ст. Новая Баварія, Евгєнія Бобковская изъ Гродно, Толя и Саша Стратонитскій изъ Нѣжина, Федя Петровъ, Галя Русловичъ, Римма и Зина Автамоновы изъ Кинешмы, Лидуша Крылова, Всеволодъ Токаржевичъ изъ Царицына, Андруша Федотовъ—донской казачекъ и его тєтя Таня Волкова, Юра и Жєня Петровы, Шура Николаевская, Вольдемаръ Редлихъ, Галя Ротмистрова изъ Житомира, Вѣрочка и Юлечка Менделѣвы, Наташа Бордюгова изъ Калуги, Жєня Радинъ въ СПБ., Дончикъ Суперъ изъ Риги, Вася Крыженко изъ Калуги, Костя Черневскій изъ Озерковъ, Костя изъ Риги, Паша Чикинъ, Таня Низяева изъ Гродны, Николай Леоповъ изъ Варшавы, Ваня и Юля Томиловы изъ Твери, Муся Визи въ СПБ., Дулулягушка-попрыгушка, Гриша Кричевскій изъ Ромень, Жєня Дєрнова изъ Новаго Петергофа, Витя и Лиза Беневоленскіе со ст. Нижнеудинскъ, Сибир. ж. д., Витя изъ Петергофа, Янка и Стасюня Тодеско, Сережа Лобокцій изъ Орла, Лєля и Вячикъ Рымкевичъ, Коля и Ваня Смольяниновы изъ Вєтлуги, Володя Кобыщановъ-Орловъ изъ Ростова-на-Дону, Леня и Вѣра С. изъ Ташкента, Яо-Чи Лифынсянъ—китайскій ученикъ изъ Ташкента, Сережа Тушканчикъ, Коля Леоповъ изъ Варшавы, Семенъ Рабанъ изъ Вильны, Митя Великосельскій изъ Новороссійска. Соня Кузовкина.

Книга съ раскрашенными картинками „СВѢДАЯ СТАРИНА“.

(Легенды о герояхъ).

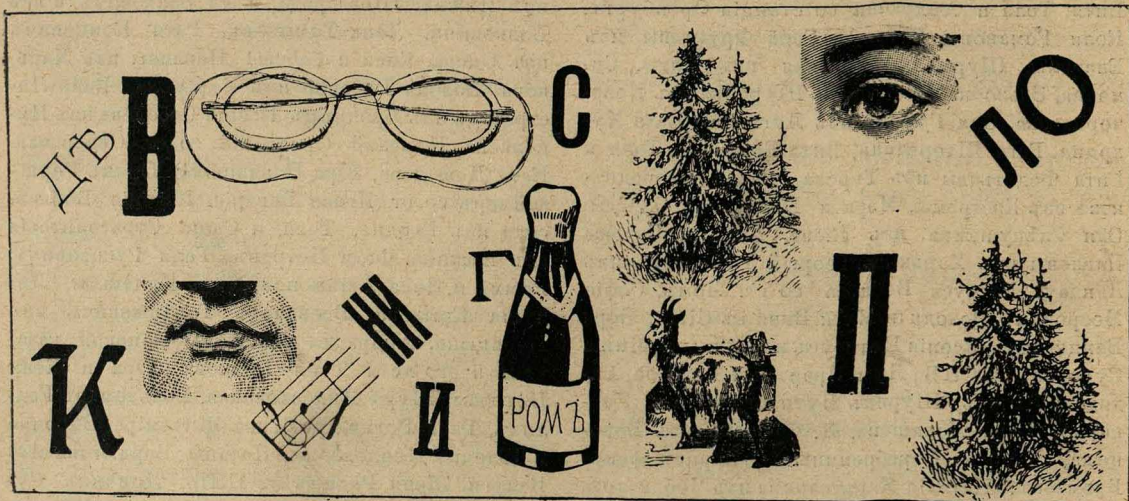
Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“.
С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22.

Ребусъ № 7.

(Фамилія подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ—по 45 копѣекъ за экземпляръ). **Высылается наложеннымъ платежомъ.**

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.
Телефонъ 587—29.

Продается въ во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“

Въ нее войдетъ большая повѣсть

≡ **„Маленькій матросъ“**. ≡

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, тел. 587-29, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.